

Полутени Художественного театра

Художественный театр
после революции.

Дневники и записи.

Федор Михальский. 1920–1924.

Алексей Гаврилов. 1927–1932.

М.: АРТ, 2020. – 536 с.

На одном из юбилеев МХТ служащие театра – капельдинеры, курьеры и прочие деятели внесценического общежития – поднесли основателям Адрес, в котором назвали себя «людьми тени Художественного театра». И выразили при этом подкупающую уверенность в том, что «и тень его светла!».

Протагонистов рецензируемой книги к «людям тени» причислить невозможно. Один из них – Ф.Н. Михальский, инспектор, администратор, затем директор Музея МХАТ – был человеком из руководства, важным лицом театра. По версии М.А. Булгакова (смотри «Записки покойника»), лицо это обладало живыми глазами, на дне коих лежала неизлечимая грусть, явственно проступающая в момент встречи их с осаждающими «контору» искателями билетов и контрамарок. Однако гений административного цезаризма умел поразить пытливого наблюдателя не столько способностью делать множество дел одновременно, сколько глубиной того самого *человековедения*, за которым и приходила в зрительный зал толпа заранее взволнованных горожан. Второй – московский милиционер А.В. Гаврилов – в театре, собственно, не служил. В МХТ располагался его пост.

Поэтому назовем их людьми *полу-тени* Художественного театра.

Пограничное положение авторов дневниковых записей, публикуемых Сергеем Никулиным, Марией Львовой, Екатериной Шингаревой и Марфой Бубновой, обеспечивало их смотрению на театр необычный ракурс. Книга позволяет этим особым видением в полной мере насладиться.

Блокноты Михальского содержат массу подробностей жизни МХАТ в разворошенном революцией социуме. Праздничные демонстрации соседствуют с похоронами, закрытая от посторонних встреча в театре Нового года с организованными экскурсиями по закулисью, во время которых посторонние отстают, разбредаются по огромному зданию и врываются в репетиционный процесс в самые неподходящие моменты. Занятно описано гражданское неповиновение В.И. Немировича-Данченко вооруженным людям в 1922 г.: «Вчера вечером Вл. Ив. был в Кремле. Он рассказывал, что в воротах его остановили, предлагая слезть с извозчика, но он отказался, сказав, что в противном случае он вернется, несмотря на то, что его вызвали по делу» (с. 97).

Предшествующая запись готова пролить свет на дополнительные подробности этого эпизода: «...Вл. Ив. просил нанять извозчика, но только не на белой лошади. Это приносит несчастье Театру» (там же).

Вообще, к самым полезным и важным записям блокнотов Михальского относятся, на мой взгляд, те, что связаны с исполнением им обязанностей секретаря Немировича-Данченко. Отпустив вместе с большей частью труппы МХАТ на заграничные гастроли О.С. Бокшанскую, руководитель театра выбрал Михальского во временные ее заместители. Для инспектора производственной жизни МХАТа это оказалось волнующим приобщением к мыслям и чувствам создателя и вседержителя того мира, которому Федор Николаевич хотел отдать всего себя.

Между техническими и скупо-хроникальными пометками появляются пространные изложения монологов патрона. Такого, например: «Боюсь думать о будущем годе [1923-м]. Что будем делать. Опять играть “Федора”, “Мудреца”... Но надо новое. Надо собрать крепкую труппу. Надо вдохнуть в нее жизнь. Но скажут, у вас много талантливейших актеров. Да, но вопрос, как увлечь их. Москвин будет пить, но в полоумии он. Грибунин, ну Лужского нечего считать. Качалов. Станиславский только как преподаватель. Он не актер больше и даже не режиссер. Женская половина сильнее: Лилина на своей роли, Коренева, Германова. Но дело в том – нет руководителя, который собрал бы вокруг себя. Мне не

Ф.Н. Михальский. 1921

поверят. Я предложу пьесу – не примут, после 3-х репетиций пропадет желание. Но надо что-нибудь делать. Буду ли сам в состоянии. Я уже сейчас устал. <...> Мы с К.С. решили не праздновать юбилея. Что будут говорить и писать по поводу такого решения, решительно все равно. Можно задержаться за границей и вернуться на другой день юбилея – 15 октября старого стиля. Можно 2 августа собраться всем в Риге, жить на взморье и готовить к ноябрю новый спектакль. Можно сыграть в Риге несколько спектаклей. Но будут ли работать?» (с. 89–90).

Трезвое осознание кризиса. Так же думает и Станиславский. Оба ощущают исчерпанность пути созданного ими театра. Конечно, люди сильно устали друг от друга за четверть века. Понять легко. Однако тут еще и чувство конца. Очередного, – И.Н. Соловьева остроумно заметила, что раз у МХТ было несколько дней рождения, то и смертей ему отмерен целый ряд¹. На глазах театра, который при создании своем включил в число главных задач защиту «бедного человечества», угнетенные классы вышли из темных подвалов и окраин. Богаче они определенно не стали, но имущих обездолили крепко. И та русская жизнь, художественное изображение которой – в мельчайших подробностях и оттенках – было осознанно принятой миссией МХТ, думалось, канула в Лету.

Впрочем, этот кризис (как и прежние) оказался кануном возрождения. Пришли новые актеры, стали появляться и новые авторы.

А.В. Гаврилов

Да и жизнь российская в глубинных своих основах осталась неизменной – об этом свидетельствовал зрительский интерес к постановкам классики.

Советизации театральной жизни во многом посвящен дневник милиционера Гаврилова. Выпускник хорошей московской гимназии, он очень приметлив к проявлениям новых норм поведения. По его записям можно разглядеть публичные пространства Театра, из вечера на вечер заполняемые пореволюционным зрителем.

Для меня Гаврилов стал Вергилием тех кругов МХАТа, о которых не узнаешь из мемуаров и писем людей его света, обитавших за рампой. Сравнение, конечно, хромает: я не Дант, а построенный архитектором Шехтелем дом в Камергерском переулке многим представлялся почти что раем. И все же – живые подробности публичного театрального обихода вызывают стойкие ассоциации с эпизодами последнего булгаковского романа и при всем своем прозаизме заставляют вспомнить свойственную ему чертовщину.

Спектакль начинается с билета. Механизм его приобретения изменился кардинально. Прежних буржуазных собственников абонементов сменяет месткомовский зритель. Воплощая в жизнь программные лозунги большевистской партии, профсоюзные комитеты на производствах берут дело культурного роста трудящихся в свои

И.М. Москвин – Черваков.
«Унтиловск». МХАТ. 1928

руки – бо́льшая часть билетов с конца 1920-х начинает распространяться через месткомы. Профсоюзники часто жульничают – вместо вождельных «Турбинных» всучивают залежавшиеся билеты, скажем, на «Блокаду». В результате капельдинерам и администраторам приходится переживать многочисленные столкновения с бранной лексикой, а нашему летописцу применять свою милицейскую власть.

Однако прежде чем обилеченный гражданин поймет, что его надул родной профсоюз, он должен прибыть к зданию театра. Камергеров давно смыла революционная стихия, и МХАТ с 1923 г. располагается в проезде своего имени. Что переполняет гордостью служащих театра. Из труб над МХАТом валит сильный дым – фиксирует Гаврилов, – прохожий возмущается: «Художественный театр весь переулочок прокоптит». Стоящий у ворот электротехник парирует: «Наш переулочок, что хотим, то с ним и делаем» (с. 303).

Добравшись до проезда Художественного театра, новый зритель лицезреет фасад. С ним в конце 1920-х тоже происходят перемены. То появляются лозунги на красном кумаче во всю стену, то начнут летом делать ремонт, да не успеют до морозов закончить – так и простоит дом весь сезон 1929/30 гг., выкрашенным лишь наполовину.

Билетный контроль. Тут часто выясняется, что с детьми на вечерний спектакль нельзя. Родители скандалят, но успокаиваются, когда

узнают, что ребенка можно оставить в конторе. Иногда из таких сданных администрации детей получаются немалые группы; сердобольные служащие их развлекают.

Гардероб. Демократическая публика приходит пешком. По московской снежной каше. Дамы сдают свои промокшие меховые ботинки. За время спектакля они дубеют и усыхают. При разъезде случаются драмы: ботинки невозможно натянуть. Особо решительные гражданки требуют, чтобы в гардеробе имелись на этот случай ножи – резать мех.

Кулуары. Здесь капельдинерам приходится требовать, чтобы мужчины снимали головные уборы. Те возмущаются: чай, не в церкви! Еще это пространство странных вопросов: «какая сегодня картина идет?» (с. 172). А после окончания спектакля в коридорах приходится отыскивать заблудившихся.

Курительная. Комната битком, дым коромыслом. Гаврилов записывает разговор: «Почему такая тесная курительная? – Нет, курительная достаточная, но только она была устроена тогда, когда ни женщины, ни молокососы не курили» (с. 260).

Мужской туалет. В унитазах уборщики стали находить пустые бутылки из-под крепких алкогольных напитков. Даже после дневных «сеансов». Автор дневника фиксирует разнообразные названия: водка, абрикотин, английская горькая. «За весь прошлый сезон было найдено в уборной 16 бутылок, – замечает Гаврилов, – а в нынешнем [1928/29], только за 2 недели, уже 20 штук» (с. 257).

Не менее важны наблюдения театрального постового за тем, как реагирует новый зритель на спектакли МХАТ. Что принимает, а что успеха не имеет. В этом отношении важным мне показался сюжет одновременного существования в сезон 1927/28 гг. двух спектаклей про «бывших» людей – «Унтиловска» и «Дней Турбиных».

Гаврилов рассказывает: Л.М. Леонов признался ему, что название затерянного в снегах города ссыльных поселенцев соорудил из слов *inutile* (беспольный – *итал.*) и «рептилия» (с. 203). Сосланные еще при царизме мелкие бунтовщики сидят в этом городишке, будто никакой революции не случилось. И с карамазовским сладострастием жрут друг друга. «Всего пьеса за сезон прошла 17 раз и сборов не делала, – замечает Гаврилов. – Теперешняя публика не смогла оценить всей глубины пьесы, оценить психологические переживания действующих лиц, не читавшему Достоевского – просто было скучно» (с. 199).

Своим впечатлениям от спектакля В.Г. Сахновского наш летописец посвящает целых шесть страниц дневника. Гаврилов восхищен всеми актерскими работами: «особенно поразителен И.М. Москвин во 2-м акте, когда он говорит <...> – “Аз есмь Унтиловск” – и подымается с поднятыми руками; делается даже страшно, что-то мистическое чувствуется в его фигуре» (с. 200).

Меж тем ни новый, ни выживший в гражданских катаклизмах старый зритель спектакль не полюбил. Одни не захотели увидеть в блистательно сыгранных персонажах себя, другим не показалась достойной гордости победа над ними.

Иное дело «Турбины». Слухи о запрещении булгаковской пьесы ходят с самой премьеры – это создает ажиотаж, все хотят успеть вкусить от запретного плода. Спектакль идет на аншлагах, до его действительного (но не окончательного) снятия с репертуара Гаврилов успевает посмотреть «Турбины» 166 раз. Для другого частого зрителя этого спектакля – Сталина – он был художественным доказательством «всесокрушающей силы большевизма»². Вновь и вновь вождь хотел пережить радость победы над такими чудесными, во всех смыслах достойными противниками – Гаврилов фиксирует внезапный приезд Сталина к третьему акту «Турбины» (с. 319). Да и «бывшим» не могло не понравиться свое отражение в зеркале мхатовского воплощения пьесы Булгакова.

Спектакль-кормилец, палочка-выручалочка – его ставят на замены тех, что приходится отменять из-за болезней актеров и прочих неожиданностей. И всегда к радости публики, готовой без конца смотреть на жизнь за кремовыми шторами.

Обширные комментарии Марии Львовой занимают половину книги. Из них читатель узнает массу важных вещей – как войска на Красной площади приветствуют «любимого вождя Троцкого», как следовало носить снятый форменный головной убор нижним чинам (в руке вытянутой) и офицерам (на руке согнутой) русской императорской армии. Зачем-то познакомят его и с рецептом изготовления английской горькой (выписанным из «Брокгауза»). Впечатление от огромного и полезного труда комментатора иногда принижается его излишней перегруженностью. Кажется, автор идет за своим – естественным и понятным – любопытством, делясь с читателем детской радостью открытий. Козьма Прутков утверждал, что трудно перестать разговаривать со старым другом. По-человечески понятно желание без конца цитировать булгаковский «Театральный роман» – сам грешен,

«Дни Турбиных». 1 действие, картина 2-я. Квартира Турбиных. МХАТ. 1926

тоже не удержался в начале сей рецензии. И все же пару раз испытываешь недоумение: Булгаков прекрасен, но зачем тут приведен тот или иной кусок его текста?

Впрочем, эксцессы изобилия не мешают признать, что работа М. Львовой безусловно придает изданию важное дополнительное измерение. Знакомясь с ним, даже искушенный читатель действительно обогатит свое представление о времени и жизни расположившихся в нем людей. А отсылки к архивным документам позволят использовать книгу в качестве очень полезного источника достоверного знания.

Публикация дневников Ф.Н. Михальского и А.В. Гаврилова добавляет истории Художественного театра необходимые полутени. Те, что позволяют видеть ее объем.

Вадим Щербаков

¹ См.: *Соловьева И.* Художественный театр. Жизнь и приключения идеи. М.: МХТ, 2007. С. 103.

² См.: *Сталин И.В.* Ответ т. Билль-Белоцерковскому. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/11-21.html> (дата обращения 05.06.2020).